

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ОСЕТИНСКОГО СТОЛА

ФЫНГ / ФИНГÆ

Ф. М. Таказов

Методология выявления мифологических семантем в их древнейшей версии предписывает очистить их от более поздних временных наслоений. Таким наслоениям поздних мотивировок подверглась и мифологическая семантика традиционного осетинского трехногого низкого столика – фынг. Трехногий фынг, тесно связанный с религиозно-мифологическими воззрениями осетин о мироздании, был широко распространен в народном быту до начала XX в. Сакральность фынга была перенесена на заменивший его четырехногий большой прямоугольный / квадратный стол. Со временем семантика трех ножек фынга стала переосмысливаться и постепенно оказалась сведена к утилитарным функциям, согласно которым трехногость обеспечивала столику наибольшую устойчивость. Однако нельзя отделять форму фынга от ритуально-престижных трапез. Семиотический анализ фынга моделирует его место в религиозно-мифологической картине мира осетин. Трехногий стол / фынг имел разные формы – круглую, треугольную, овальную, и все они символизируют Модель мира. Формы трехногого фынга тождественны традиционным ритуальным осетинским пирогам, имеющим также круглую, треугольную и овальную формы. С помощью ритуальной трапезы за трехногим столиком осуществлялось своеобразное моделирование творения мира.

Ключевые слова: мифология, семиология, этнография, ритуально-престижная трапеза, трехногий стол, фынг, Модель мира, Мировая гора, ритуал.

The methodology for identifying mythological semantemes in their ancient version requires peeling off the layers brought about over time. Mythological semantics of the traditional Ossetian three-legged low table – fying – was also subjected to such layering of later motivations. Three-legged fying, closely associated with Ossetian's religious and mythological views on the universe, was widespread in the people's life till the beginning of the XX century. Sacredness of fying was endowed to four-legged big rectangular / square table which replaced it. In the course of time semantics of three legs of fying was reconsidered and, eventually, was reduced to the utilitarian functions, according to which the three-legged design of fying provided it the greatest stability. However, the form of fying cannot be separated from prestigious ritual meals. The semiotic analysis of fying simulates its place in the religious and mythological picture of the World of Ossetians. Three-legged table fying had different shapes – round, triangular, oval, and they all represent the Model of the World. Forms of three-legged fying are identical to the traditional ritual Ossetian pies, also having a circular, triangular and oval shape. Peculiar modeling of the world creation was carried with the help of a ritual meal at the three-legged table.

Keywords: *mythology, semiology, ethnography, ritual prestigious meal, three-legged table, Fying, Model of the world, the World Mountain, ritual.*

Методология выявления мифологических семантем в их древнейшей версии предписывает очистить их от временных наслоений – более поздних мотивировок, характеристик, «этических абстракций» [1, 120]. Таким наслоениям поздних мотивировок подверглась и мифологическая семантика традиционного трехногого низкого столика – фынг.

В традиционной культуре осетин трехногий стол *фынг / фынгæ* занимает особое место. К *фынг* осетины относились с таким же пиететом, как и к надочажной цепи (*рæхыс*). Один из первых осетинских этнографов Савва Кокиев еще в конце XIX в. отмечал важную роль фынга в жизни осетина, который он чтит в высшей степени, и при еде воспрещаются всякие непри-

стойные разговоры и действия; оскорбления *фынга* хозяин никому не прощает, его именем прокликает, а также божится [2, 82].

В сознании осетин трехногий *фынг* ассоциируется с пищей. Потому и сегодня, когда вместо трехногого стола в быту стали использовать обычные четырехногие столы, термин *фынг* применяют только к накрытому пищей столу. Стол без пищи осетины называют заимствованным из русского языка словом *стол*. Если на тот же стол, который использовался, к примеру, для работы, ставят пищу, то называют уже не *стол*, а *фынг*, и приглашают, соответственно, не *к столу*, а *к фынгу*.

Аналогичные осетинскому *фынгу* невысокие (ок. 50-60 см) круглые трехногие столы имелись и у некоторых других кавказских народов. У балкарцев и карачаевцев такой стол называется *тепси* ('трехногий круглый столик' 'еда, пища') [3, 622]. Название неотделимо от карачаево-балкарского *тепшек* – 'блюдец, тарелочка' [3, 622], хотя по форме образования близко грузинскому *тэпши* – 'тарелка' [4, 710], заимствованному, скорее всего, из балкарского языка. В кабардинском этот предмет именуется *анэ* (букв. 'мать') [5, 23]. Абазинны свой трехногий стол называют *айшва*, *айша*. Примечателен тот факт, что у всех перечисленных народов трехногий стол ассоциируется с пищей, о чем свидетельствует абазинская поговорка «*Айшва шIацIакI-гы йыквмызтын гъвынI*» – «Если на столе нет ни куска, то это не стол, а доска» [6, 48]. Ее смысл тождествен значению поговорки в отношении накрытого пищей стола у других народов.

За пределами Кавказа низкий круглый трехногий столик, называемый *сандала*, был распространен у якутов.

Название осетинского трехногого стола *фынг* / *фингæ* В.И. Абаев возводит к старосетинскому (иранскому) слову, считая его родственным старославянскому *пнь* и русскому *пень*, хотя и предполагает заимствование греческого *πίναξ* 'доска', 'блюдо', к которому примыкает и персидское *ping*, *pingān* 'чаша' [7, 498].

Косвенным подтверждением связи слова *фынг* с греческим *πίναξ*, возможно, является упоминание в V в. до н.э. трехногого стола древнегреческим писателем и историком Ксенофонтом в сочинении «Анабасис Кира»: «Когда собрались на пир самые знатные из находившихся налицо фракийцев, эллинские стратеги и лохаги, а также бывшие там в то время посольства из городов, приступили к обеду, усевшись в круг. Затем для каждого из обедавших внесли по столу на трех ножках» [8, 218]. Сообщение Ксенофонта свидетельствует об использовании трехногого стола с древних времен. Образцы трехногих столов, подобных осетинским, обнаружены в скифских курганах как на Кавказе [9, 198-204; 10, 171], так и на Алтае [11, 84-86].

Наиболее древний *фынг*, по мнению В.А. Кузнецова, происходит с территории Северного Кавказа и найден в скифском кургане VI-V вв. до н.э. у с. Нартан близ Нальчика. Другой древний *фынг* изображен в красочной росписи склепа Анфестерия (I в. н.э.) на горе Митридат в Керчи [12, 158]. Преемственность скифских *фынгов* прослеживается и с предметами, обнаруженными на территории Северной Осетии в аланских катакомбных могильниках в с. Архон (VII-IX вв.) [13, 20], Галиат (VIII в.) [14, 115].

В этнографии осетин были известны три вида трехногих *фынгов*: круглый, треугольный и овальный. Безусловно, перечисленные виды также имели различные модификации. Поверхность одних столиков, наиболее распространенных в последнее столетие в Осетии, делалась ровной, у других делались бортики по всей окружности столешницы.

У осетин встречались и низкие круглые столики на четырех ножках, аналогичные найденным и в скифских курганах [11, 84-86]. Четырехногие *фынги* могли отличаться как по семантике, так и утилитарному предназначению. Однако обращает на себя внимание тот факт, что *фынг* у осетин ассоциировался только с тремя ножками, о чем свидетельствует часто употребляемая поговорка «*Фынг артæ къахыл лаууы*» –

«Фынг (столик) на трех ножках стоит» [15, 115]. Четырехногий же столик в афористических выражениях осетин никак не упоминается. Сравнивая трех- и четырехногий столики, известный осетинский этнограф В. С. Уарзиати считал круглый трехногий стол исходным типом, с учетом их общей морфологической черты – малый размер и низкие ножки [16, 9].

Трехногость фынга исследователи, как правило, объясняют его устойчивостью. «Именно три точки опоры дают достаточно прочное положение и физическую стабильность», – отмечал Уарзиати [16, 9]. Действительно, три точки опоры придают столу физическую стабильность, однако сомнительна при этом горизонтальность положения поверхности стола, с которого не скатывалась пища или не опрокидывалась посуда. В любом случае, для придания поверхности стола горизонтального положения при неровности пола (земли) необходимо провести те же действия, что и при стабилизации четырехногого стола. Кроме того, лучшая устойчивость трехногого стола предполагала бы более широкое его распространение.

Шаткость утверждения бытования трехногого стола по причине большей устойчивости подтверждает и народная этимология, истолковывая предпочтительность таких столов требованиями этикета. Так, например, А. Шауей наличие у кабардинцев трехногого столика *анэ* объясняет тем, что «сидеть за таким столиком развалившись, было невозможно, а облокотиться на него невозможно даже при желании, потому что столик был трехногий и грозил опрокинуться. Потому место трапезы дисциплинировало, не позволяя пить лишнее, сохраняя прямой осанку» [17].

Безусловно, наиболее ярко традиционный этикет горских народов проявляется за столом. Считалось, сущность человека проявлялась в трудностях, а также за столом: этикет стола был настолько регламентирован с момента, как человек садился, до момента, как вставал, что любая деталь приобретала смысл и требовала от участника застолья не только строгого соблю-

дения застольного этикета, но и собранности и, в какой-то степени, волевых качеств. Значение фынга как испытательного «полигона» наглядно демонстрирует осетинская пословица: «*Лæджы фæндагыл æмае фынгыл базондзынаæ*» – «Человека узнаешь (испытываешь) в пути и за фынгом (столом)» [15, 120].

Однако интерпретация трехногости фынга с таких позиций не может объяснить его сакральные функции в жизни осетин, на которые указывают все исследователи. Так, В. А. Кузнецов отмечает, что социальная нагрузка фынга «не сводится к чисто утилитарным функциям: «фынг» явно несет сакральные функции, связанные как с отношением осетин к пище, так и к самому «фынгу»» [12, 156]. Мнение Кузнецова поддерживают археологи А. А. Цуциев [18, 229] и А. А. Туаллагов [19, 102-105], занимавшиеся исследованием этого вопроса.

Анализируя ритуально престижное место трехногого столика, исследователь осетинского этикета А. Х. Хадикова отмечает, что «стол, за которым принимали пищу, имел культовое значение в традиционном сознании многих народов мира. В какой-то мере фынг был показателем социальной престижности: детям, подросткам, социально недееспособным людям еда на фынге не подавалась. Неизменной обязанностью любого осетина считалось предложить еду всякому, кто в ней нуждался – будь то изгой, отверженный или убогий, но в этом случае перед пришедшим никогда не выставлялся ритуальный столик фынг, трапеза на котором подчинялась строгим предписаниям этикета» [20, 4].

Трапеза воспринималась не только как действие, направленное на удовлетворение потребности тела в пище, но и как сакральное действие, равнозначное принесению жертвы Богу / духам. Поэтому стол / фынг, на котором происходило «жертвоприношение», воспринимался у многих народов как алтарь: у осетин – *кувандон*, у русских – церковный престол и т.д. Так, например, в русских поверьях утверждается, что «стол – то же, что в алтаре престол» [21, 224].

Восприятие принятия пищи как священнодействия сохраняется у осетин по настоящее время. Осетин не притрагивался к пище без молитвы. В настоящее время наиболее наглядно эта традиция просматривается во время коллективных застолий на свадьбе, за поминальным столом и любых других случаях. При этом поведение осетина во время трапезы за обычным столом / фынгом аналогично таковому во время трапезы на кувандоне. В отличие от церковных молитвословий, произносимых, к примеру, в какой-либо христианский праздник, во время традиционных ритуальных действий у осетин все молитвословия произносятся за столом / фынгом. Таким образом, сам собой напрашивается вывод, что для осетина *пища* и *фынг* составляют одно целое, а ритуальная трапеза содержит религиозный аспект. Соответственно, место, на котором размещена трапеза, превращается в священный алтарь, тождественный кувандону.

Неразрывная связь пищи и фынга просматривается и в похоронных обрядах осетин. После похорон осетины и по сегодняшний день устраивают поминальную трапезу. При этом всю приготовленную еду, перед тем, как положить ее на стол-фынг, посвящают покойному. Но помимо пищи покойному посвящали и сам фынг. Если в древние времена посвященный фынг, согласно археологическим находкам, клали в могилу с покойником, то в XIX в. данный обычай редуцировался и, соответственно, проводился только обряд посвящения фынга усопшему. После обряда посвящения покойному фынг считался его собственностью, и его не могли ни продать, ни отдать. К дню Новогодних годовых поминок (*Ног азы афæдзы хист*) осетины специально заказывали и приобретали для посвящения фынг [22, 89-90].

Сакральность фынга отразилась на благоговейном к нему отношении, о чем свидетельствуют фразеологизмы, часто употребляемые при любом застолье: «*Табу фынджы фарнæн*» – «*Хвала (почтение) фарну (обилию) фынга*»; «*Фынджы фарн бирæ уæд, фынг бахатыр кæнæд*» – «*Пусть обилен*

будет фарн фынга, да простит (мне, нас) фынг» [15, 119].

Однако для сакральности трапезы и фынга огромное значение имеет и сама форма фынга, на которую обратил внимание В.С. Уарзиати, отметивший, что основная масса фынгов «имеет круглую форму столешницы и три растопыренные для большего упора ножки. Иногда, на традиционных образцах, особенно больших размеров, три ножки бывают соединены между собой Т-образной связкой, точеной как и ножки. Симметрично расположенные ножки образуют условную проекцию равнобедренного треугольника. Иначе говоря, две геометрические фигуры, круг и вписанный в него треугольник, находятся во взаимосвязи, создавая элемент стихийной геометризаци...Этот принцип геометризации, соединявший реальное и мифологическое начало, был универсалией, характерной для многих народов мира с глубокой древности. Числа и геометрические тела и фигуры, такие как сфера, круг, квадрат и другие, никогда не были достоянием одной лишь математики. В них выразилась мировая гармония, и они имели определенные магические и нравственные значения» [16, 32].

Анализируя символику чисел, Уарзиати квалифицирует число три как совершенное число. Выражением высшего совершенства, единства бесконечности и законченности исследователь считает круг. Он связывает число три непосредственно с треугольником: «Во многих мифопоэтических системах регулярный треугольник символизирует семантическую нагрузку своего числа, а также плодоносящую силу земли, обеспеченность, физическое совершенство, троицу, три космические зоны. Треугольная форма, как и само числительное три были очень популярны в традиционном быту, языке, фольклоре осетин и их предков. Число четыре в геометрической символике определяется квадратом или вообще четырехугольником, с образом идеально устойчивой структуры, статистической целостности, соединяющей в себе основные параметры гармонии» [16, 32].

Действительно, сочетание геометрических символов в фынге представляет собой модель Мира. Три ножки фынга символизируют три мира: верхний, средний и нижний. Подобную же символика содержится и в трехногости коня Уастырджи. Трехногость коня – это трехуровневость мира. Сам же конь – ось, соединяющая все три мира [23, 96], подобно тому как круг фынга соединяет три ножки – три мира.

Круг в религиозно-мифологических воззрениях осетин символизирует самого Бога, одновременно выступающего как Ось мира. Круглая форма характерна и для ритуальных осетинских пирогов. Тесная связь фынга с ритуальной пищей предполагает и тождественность формы пирогов и фынга.

Как известно, ритуальные пироги осетин употребительны в трех формах: круглые (*чъиритæ / къеретæ, кæрдзынтæ / кæрдзынтæ*), треугольные (*æртæдзыхонтæ / сæфсæттæ*) и овальные (*гуылтæ / хъæбунтæ*) [24, 120]. При этом круглые всегда посвящали Богу, треугольные – зëдам (*зæдтæ / изæдтæ*), а овальные – дуагам (*дауджытæ / идаугутæ*). Соответственно, символика форм пирогов была перенесена и на формы фынга.

Трехногие фынги треугольной формы, наряду с круглыми, были употребительны в быту осетин до недавнего времени. Фынги овальной формы вышли из употребления в начале XX в., чему способствовали изменения социально-бытовых условий в связи с переселением на равнину, а также влияние христианства и мусульманства, потеснивших в религиозном сознании осетин образы дуагов. Если в некоторых местах Осетии в определенные праздники до настоящего времени продолжают готовить все три формы пирогов (круглые, треугольные,

овальные), то традиционный овальный трехногий стол окончательно исчез как из ритуально-престижных трапез, так и из быта. Однако доказательством бытования у осетин овальной формы, наряду с круглой и треугольной, служат археологические находки как на территории Северной Осетии в даргавском катакомбном могильнике [25, 75], так и на территории Алтая в скифских захоронениях [11, 84-86].

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о неразрывной связи пищи (трапезы) и стола-фынга, символизирующей священнодействие во время принесения жертвы. Независимо от формы (круглой, треугольной, овальной), трехногость фынга моделирует три уровня мира: верхний, средний и нижний. Верхняя круглая / треугольная / овальная часть, соединяющая три ножки, символизирует Бога / зëда / дуага, выступая как Ось мира. Следовательно, в семантике фынга проявляется не столько утилитарная функция, сколько отражается Модель мира, которую, согласно религиозно-мифологическим воззрениям осетин, необходимо было воспроизводить для того, чтобы не допустить ее разрушения. С помощью ритуальной трапезы за трехногим столиком осуществлялось своеобразное моделирование творения мира [26, 563], подобно тому, как каждый кузнец обязан был сделать лишний удар по наковальне, благодаря чему восстанавливались истончавшиеся цепи, которыми был привязан к Луне демоническое существо Артауз [27, 1274], или подобно тому, как скифы, сооружая из хвороста курган и водружая наверху своего сооружения меч, моделировали Мировую гору, а затем, через ритуал поджигания, воспроизводили акт творения мира [28, 117-130].

1. Мамиева И. В. Архетип сказителя в осетинском эпосе «Нарты» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8-1 (38). С. 119-121.

2. Кокиев С. В. Записки о быте осетин // Сборник материалов по этнографии. М., 1885. Вып. 1.

3. Русско-карачаево-балкарский словарь. М., 1965.

4. *Торотадзе А. Г.* Краткий русско-грузинский словарь. Тбилиси, 1969.
5. *Апажев М. Л., Коков Дж. Н.* Кабардино-черкесско-русский словарь. Нальчик, 2008.
6. *Абазинско-русский словарь.* М., 1967.
7. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958. Т. I.
8. *Ксенофонт.* Анабасис Кира. М., 1910.
9. *Рунич А. П.* Катакомбы Рим-горы // Советская археология. 1970. № 2. С. 198-210.
10. *Рунич А. П.* Скальные захоронения в окрестностях г. Кисловодска // Советская археология. 1971. № 2. С. 171.
11. *Руденко С. И.* Культура населения горного Алтая в скифское время. М., 1953.
12. *Кузнецов В. А.* Алано-осетинские этюды. Владикавказ, 1993.
13. *Пчелина Е. Г.* Ossetika. Избранные труды по истории, этнографии и археологии осетинского народа. Владикавказ, 2013.
14. *Крупнов Е. И.* Галиатский могильник как источник по истории алан-оссов // Вестник древней истории. 1938. № 2. С. 113-122.
15. *Ирон æмбисæндтæ (Осетинские пословицы и поговорки) / Сост. К. Ц. Гутиев.* Орджоникидзе, 1976. (на осет. яз.).
16. *Уарзиати В. С.* Праздничный мир осетин. Владикавказ, 1995.
17. *Шауей А.* Секрет долголетия адыгов // Информационный портал Фонда черкесской культуры «Адыги» им. Ю. Х. Калмыкова [электронный ресурс]. URL: <http://fondadygi.ru/page/sekret-dolgoletija-adygov>
18. *Цуциев А. А.* Погребальная обрядность сарматов, алан и осетин: археолого-этнографические параллели // Духовная культура осетин и современность: проблемы и перспективы: Материалы республиканской научно-практической конференции. Владикавказ, 2009. С. 198-222.
19. *Туаллагов А. А.* О происхождении осетинского столика фынг // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. 2015. № 3. С. 102-105.
20. *Хадикова А. Х.* Осетинский этикет. Владикавказ, 2006.
21. *Топорков А. Л.* Происхождение элементов застольного этикета у славян // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 223-243.
22. *Габуева О. А.* Крестьянские промыслы осетин во второй половине XIX – начале XX в. М., 1977.
23. *Таказов Ф. М.* Мифологические архетипы Модели мира в осетинской космогонии. Владикавказ, 2014.
24. *Газданова В. С.* Традиционная культура осетин. Владикавказ, 2006.
25. *Цуциев А. А.* Находка двух столиков-блюдов из даргавского катакомбного могильника // Античная цивилизация и варварский мир: Материалы 8-го археологического семинара (Краснодар, 13-15 июня 2001 г.). Краснодар, 2002. С. 74-77.
26. *Таказов Ф. М.* Творение мира в осетинской мифологии // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5 [электронный журнал]. URL: http://elibrary.ru/download/elibrary_22566976_38805825.pdf
27. *Таказов Ф. М., Кусаева З. К.* Образ Артауза в религиозно-мифологических воззрениях осетин // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6 [электронный журнал]. URL: http://elibrary.ru/download/elibrary_22878567_47539956.pdf
28. *Таказов Ф. М.* Пережитки погребального обряда скифов в нартовском эпосе осетин // Вопросы литературы и фольклора. 2010. № 4. С. 117-130.